

— Угадай, что я принёс! — Бай Фан, сияя от уха до уха, так и подпрыгнул к Янь Пину, покачивая в руке увесистым термоском.

Тот неторопливо закрыл книгу и покосился на судок:

— Куриный бульон.

У парня от изумления округлились глаза. Он растерянно осмотрел контейнер со всех сторон — плотный пластик, ни малейшего намёка на прозрачность.

— И как ты только догадался? — искренне недоумевал он.

— Смекалка, — отозвался Янь Пин. Скользнув взглядом по забинтованным пальцам юноши, он негромко добавил: — Поберег бы руки. С такими порезами только у плиты стоять.

— Пустяки! Разве такая мелочь может помешать мне порадовать тебя домашним? — гордо вскинул подбородок Бай Фан. Он споро открыл термос, разлил ароматный, исходящий паром бульон по пиалам и протянул одну Янь Пину. — Попробуй скорее, я над ним полдня колдовал!

Янь Пин пригубил. Бульон оказался на удивление наваристым и душистым.

— Отменно, — искренне похвалил он.

Лицо юноши так и просияло. Он бережно приподнял прикроватный столик и принялся расставлять принесённые яства.

— Сам-то обедал? — поинтересовался Янь Пин, наблюдая за его суетой.

— Нет ещё, хотел составить тебе компанию. — Бай Фан устроился на краешке стула, вооружился палочками и счастливо прищурился. — Доктор обмолвился, что тебе уже сегодня к вечеру или завтра утром можно будет понемногу расхаживаться. Если швы будут затягиваться хорошо, через неделю выпишут. Правда, потом придётся побережься: налегать на белковую пищу, восстанавливать силы и никакого спорта, — затараторил он, подливая Янь Пину добавки. — Если всё пойдёт на лад, дней через десять двинем в Столичный город.

Приняв пиалу, Янь Пин согласно кивнул:

— Договорились.

Обед подошёл к концу, и Янь Пин решил немного размяться. Бай Фан тут же пристроился рядом, бдительно оберегая каждый его шаг и готовый в любую секунду подхватить под локоть.

Сколько бы старший ни просил его расслабиться, упрямец не слушал. Видя, как искренне юноша хлопочет, Янь Пин лишь мысленно вздохнул и позволил ему нянчиться с собой.

В этот момент дверь палаты приоткрылась. На пороге, скрестив руки на груди и небрежно привалившись к косяку, стоял Е Тин. Окинув их насмешливым взглядом, он протянул:

— Ну и ну, Янь Пин. Bravo. Недурно ты ему мозги промыл. Заставить парня, который должен бы всей душой ненавидеть твою семейку, так перед тобой стелиться — это надо уметь.

Бай Фан мгновенно ошетинился и наградил незваного гостя испепеляющим взглядом.

Янь Пин же, плавно остановившись, холодно обронил:

— Что тебе нужно?

Е Тин усмехнулся и, демонстративно проигнорировав ярость юноши, вошёл внутрь и бесцеремонно развалился на стуле. Прежде он ни за что не рискнул бы явиться к Янь Пину в одиночку — духу бы не хватило, ведь в честном бою от него мокрого места не осталось бы. Но сейчас, когда соперник едва оправился после операции и выглядел совершенно безоружным, спесь Е Тина расцвела пышным цветом.

— Продай мне своего кота, — без лишних предисловий выдал он.

Взгляд Янь Пина едва заметно посуровел:

— Кота?

— Да ладно тебе, не прикидывайся дурачком. — Е Тин выудил из кармана пачку, достал сигарету и, не поджигая, сунул в зубы. На его губах играла самодовольная ухмылка. — Тот чёрный зверь, что вытаскивает людей с того света. Он же твой, верно? Называй цену.

Вместо ответа Янь Пин неторопливо вернулся к постели, устроился поудобнее и лишь тогда спросил:

— И зачем тебе животное?

— Да так, забавы ради. Люблю диковинные игрушки. Представь, как солидно будет пройтись с таким чудом на поводке! Все обзавидуются, — хмыкнул визитёр.

Янь Пин, навидавшийся подобных столичных хлыщей ещё во времена Великой Юн, ни на секунду не усомнился в его мотивах. Впрочем, он был твёрдо уверен: Е Тин не видел, как

чёрный кот переступал порог его жилища. Все эти обвинения строились на чистой догадке.

— Боюсь, ты ошибся адресом. У меня нет кота, — ровно произнёс Янь Пин.

Ухмылка вмиг сползла с лица Е Тина. Он помрачнел и процедил сквозь зубы:

— Я бы на твоём месте хорошенько подумал. Насколько мне известно, с финансами у тебя сейчас туго. И если упустишь моё предложение, другого шанса поправить дела тебе вряд ли представится.

Пришедший в себя после нелепого заявления Бай Фан посмотрел на гостя как на умалишённого:

— У тебя с головой всё в порядке? Сказали же тебе: нет у брата никакого кота!

Юноша, днюющий и ночующий у Янь Пина, уж точно знал бы о домашнем питомце.

Е Тин даже не обернулся в сторону парня. Он не сводил глаз с Янь Пина.

— Десять тысяч. Десять тысяч наличными за твоего зверя.

Тот промолчал, спокойно открывая отложенную книгу.

— Двадцать тысяч!

— Сто тысяч!

— Двести!

— Миллион!

Полнейшее равнодушие оппонента довело Е Тина до белого каления. Карман его не пустовал, он мог бы накинуть и больше, но сама мысль о том, что эти барыши достанутся ненавистному Янь Пину, отравляла ему душу.

Поняв, что кавалерийским наскоком дело не решить, он резко поднялся и, злобно зыркнув напоследок, бросил:

— Ты ещё сам приползёшь ко мне с мольбами забрать этот комок шерсти. Думаешь, ты один такой умный? На этого кота сейчас объявлена настоящая охота. Продай его мне — хоть при

деньгах останешься. А если до него доберутся другие ищейки, церемониться с тобой никто не станет.

— Псих ненормальный! Тебе русским языком сказали: нет у нас котов! Совсем оглох, чучело?!
— в сердцах крикнул ему вослед Бай Фан, выбегая в коридор.

В палате воцарилась тишина. Янь Пин закрыл книгу и посмотрел в окно, за которым сиротливо мокли под унылым осенним дождём оголённые ветви деревьев. В его бездонных, тёмных, как тушь, глазах отразилась глухая, вековая усталость. То, что рано или поздно его выследят и спросят о загадочном чёрном коте, было лишь вопросом времени.

Если вдуматься, он оставил за собой слишком много следов. Всему виной его собственная, глубоко укоренившаяся апатия. Вырванный из привычного уклада Великой Юн, где он прожил долгие годы, и заброшенный в этот чужой, непонятный век, он чувствовал себя чужаком во всём. Язык, нравы, пища, одежда — каждый пустяк кричал о том, что он здесь лишний.

Там, в прошлом, у него оставались те, о ком болело сердце, и великая цель, которой он без остатка отдал жизнь. Здесь же он влачил существование неприкаянной тени, бездумно скитающейся в тумане чужого бытия.

Томимый глухим отвращением к миру, он хоть и согласился на сделку с системой по сбору очков заслуг, но подходил к этому спустя рукава — разбирался с бедами лишь тогда, когда те сами стучались в дверь. Свои тайны и маршруты он оберегал небрежно, без должного рвения. Не будь он столь равнодушен, никогда не позволил бы Бай Фану так близко подобраться к себе.

Палый лист стремится к корням... Да только ему, этому увядшему листу, дороги к родному дереву уже не сыскать.

Впрочем, теперь у него появился смысл — гибридный рис. Пока драгоценные семена не отправятся в Великую Юн, нужно держать ухо востро и больше не совершать глупых оплошностей. Как-никак, судя по угрозам Е Тина, вокруг чёрного кота сжимается плотное кольцо любопытных.

Мысли прервала настойчивая трель телефона. Янь Пин взял трубку, и из динамика тут же обрушился яростный рык Янь Цзюня:

— С обеда вчерашнего дня по сегодняшнее утро ты пропустил два урока! Ты вообще собираешься работать, или мне другого учителя искать?!

Парня можно было понять. Со вчерашнего дня его жизнь превратилась в сущий кошмар: сестрёнка непрерывно лила слёзы и изводила его расспросами, куда подевался её любимый

наставник. Любой на его месте потерял бы самообладание.

Маленькая Лили, с замиранием сердца прислушивавшаяся к разговору, увидела, как сильно злится брат, и испуганно затеребила его за край куртки.

Янь Пин на мгновение опешил. Бывший канцлер только сейчас осознал, что из-за внезапной госпитализации едва не лишился своего скромного заработка.

— Прошу прощения, — после недолгой паузы мягко ответил он. — Возникли непредвиденные обстоятельства. Я обязательно восполню все пропущенные часы.

— Восполнишь он!.. — начал было Янь Цзюнь, но не успел договорить. Лили проворно взобралась на стул и маленькой ладошкой намертво зажала ему рот.

— Всё хорошо, господин учитель! Лили совсем не сердится и может подождать! Приходите, когда вам будет удобно, — лепетал нежный детский голосок прямо в микрофон. Девочка изо всех сил тянулась на цыпочках, стараясь удержать брыкающегося брата.

Янь Цзюнь лишь закатил глаза, смерив сестру полным презрения взглядом. И это та самая егоза, которая вчера навзрыд плакала, причитая, что учитель разлюбил её, раз не пришёл на занятия? Девчонки, одно слово.

— Мы возобновим занятия сегодня же во второй половине дня, — пообещал Янь Пин.

— Ура! Я буду очень-очень ждать!

— Ну прекрасно. Значит, злодеем опять меня выставили? — проворчал Янь Цзюнь, вешая трубку и беззлобно ущипнув сестру за пухлую щёку.

— Хи-хи, — Лили глуповато, но безумно мило улыбнулась ему в ответ.

Янь Цзюнь тяжело вздохнул, чувствуя, как на сердце наваливается глухая забота. Не прошло и пары недель, а девчонка уже души не чает в этом таинственном учителе, которого даже в глаза не видела. Любит его едва ли не больше собственного брата! Если так пойдёт и дальше, она превратится в подобие этого помешанного Бай Фана. Нет, с этим надо что-то решать.

Время неслось неудержимо. Миновали ещё семь дней. Вчера Янь Пина наконец выписали из больницы, и сейчас он, находясь у себя дома, с любопытством заваривал лапшу быстрого приготовления.

Накануне он наткнулся в сети на видео об этой диковинной и крайне практичной еде и сегодня же отправился в магазин за покупкой. Действуя строго по инструкции, он залил спрессованный брикет крутым кипятком, плотно прижал крышку и присел рядом, ожидая, пока блюдо дойдёт до готовности.

В тишине раздался механический голос системы:

— Внимание, носитель. Важное уведомление. Если вы потратите ещё пять очков заслуг на Вэнь Цзяня, будет достигнут его персональный лимит.

— Лимит? — мысленно переспросил Янь Пин.

— Верно. По достижении этого порога любые вещи личного пользования, передаваемые Вэнь Цзяню, не будут облагаться налогом в виде очков заслуг. Главное условие — эти предметы не должны влечь за собой глобальных исторических или социальных сдвигов в его мире.

— А можно ли выкупить лимит на целые категории? — поинтересовался он.

— Да, такая функция предусмотрена.

— То есть, если я приобрету права на сельскохозяйственный сектор, то смогу беспрепятственно передавать в Великую Юн любые агрономические труды и знания?

— Совершенно верно.

Получив подтверждение, Янь Пин удовлетворённо прикрыл глаза. Он приподнял картонную крышку и осторожно попробовал лапшу. Вкус оказался на удивление ярким и насыщенным. Решив, что эксперимент удался, он не раздумывая отправил через систему всю оставшуюся партию коробок на ту сторону, приложив подробную записку с инструкцией.

Тем временем в Великой Юн генерал Вэнь Цзянь уже вполне освоился с тем, что странная травинка на его столе горазда изрыгать из своего чрева неведомые диковины. Он долго и озадаченно вертел в руках пёструю чашу с лапшой, но, так и не разгадав её назначения, развернул сопутствующий листок бумаги.

Ознакомившись с написанным, генерал недоверчиво хмыкнул. Лёгкая, не требующая долгой подготовки, способная храниться месяцами и при этом сытная... Да ведь это идеальный провиант для дальних переходов!

«Правда, сгодится она разве что для зимних марш-бросков, — размышлял Вэнь Цзянь, уплетая горячее варево, приготовленное по всем правилам. — В лютую стужу глоток такого наваристого супа — истинное спасение для солдата. Да и вкус недурственен, не уступит трактирным похлёбкам».

Глядя сквозь ментальный экран на сосредоточенно жующего генерала, Янь Пин почувствовал, как смягчается его взгляд. А когда Вэнь Цзянь, допив бульон, принялся что-то ворчливо нашептывать и тормозить бедную травинку, на губах бывшего канцлера скользнула тёплая улыбка.

Всё такой же неугомонный. Руки чешутся, как у мальчишки.

— Брат, ты готов? Давай я заберу сумки! — раздался от двери звонкий голос запыхавшегося Бай Фана, который только что припарковал машину во дворе и взлетел по лестнице.

— Тут почти ничего нет, я сам, — Янь Пин поднялся с дивана, поворачиваясь к гостю. Тень недавней улыбки ещё блуждала на его лице.

Бай Фан удивлённо моргнул:

— Что-то случилось? Ты такой весёлый.

— Пустяки, — Янь Пин подхватил дорожную сумку и направился к выходу.

— Позволь мне! Ты ведь только из палаты, — юноша решительно преградил ему путь, пытаясь перехватить ношу.

— Она лёгкая.

— Даже если лёгкая, тащить её вниз с пятого этажа — это уже нагрузка! Врач строго-настрого запретил тебе утомляться. Больным полагается слушаться, так что давай сюда...

— Твоя взяла, — сдался Янь Пин, утомлённый этой заботливой тирадой, и уступил сумку упрямому парню.

На улице их встретила серая пелена. Осенний дождь уныло шуршал по асфальту, наполняя воздух пронзительной сыростью. С каждым порывом ветра становилось всё холоднее, безмолвно возвещая о скором приходе зимы.